



Изъ семейныхъ воспоминаній.

III.

(Окончаніе) ¹⁾.

Хочу оговориться: я не пишу здѣсь ни о карьерѣ Брянчаниновыхъ, ни о событіяхъ ихъ жизни, *внѣшнихъ*; все это, безъ сомнѣнія, имѣеть большой интересъ, но не для меня. Меня всегда занималъ одинъ лишь выходящій изъ ряда, нравственный обликъ ихъ. Притомъ пишу исключительно о людяхъ, выросшихъ подъ кровлею покровскаго дома, а не о дѣтяхъ ихъ, и тѣмъ болѣе, не о другой отрасли Брянчаниновыхъ изъ усадьбы Юрова, какъ носящей совершенно различный характеръ. Затѣмъ—

Все, что я говорю здѣсь о Брянчаниновыхъ вообще, не можетъ касаться владыки Игнатія. Какъ человѣкъ исключительнаго ума и характера, онъ всегда стоялъ нѣсколько одиноко и путь его отъ самаго дѣтства былъ иной, чѣмъ путь его братьевъ и сестеръ. Это высказано и въ жизне-описаніи его, составленномъ Петромъ Александровичемъ.

Былъ у дѣда моего сынъ, Семенъ Александровичъ, непохожій на прочихъ,—добрый и веселый джентльменъ „дядя Сеня“,—какимъ онъ остался въ моихъ воспоминаніяхъ. Онъ любилъ мою мать братски, и какъ равный, не читалъ ей наставленій и нимало не чувствовалъ себя святымъ или „познавшимъ“—напротивъ. Думаю, что „сестрѣ Машинькѣ“ онъ каялся иногда въ своихъ веселыхъ грѣшкахъ, зная, что „Мари,—она не осудить“. Умеръ онъ еще молодымъ, сравнительно, человѣкомъ, и я помню отчаянныя рыданія

¹⁾ См. „В. В.“, Май.

моей матери, разбудившія меня въ то утро, когда она получила извѣстіе о его тяжелой болѣзни и зовъ поспѣшить къ умирающему.

Этотъ дядя не только не наводилъ на меня хмураго взгляда, но улыбался мнѣ и баловалъ: бралъ меня на руки, садилъ верхомъ на шведку и угощалъ въ своемъ охотничьемъ домѣ вкусной заячьей кашей. Двое другихъ дядей не имѣли привычки мнѣ улыбаться.

Въ свои рѣдкіе пріѣзды Михаилъ Александровичъ обращался со мной неровно. То разговаривалъ серьезно, какъ съ большой, то, смотря на меня пристально, начиналъ выражать вслухъ свои догадки о такихъ-то и такихъ моихъ недостаткахъ, совѣтовалъ матери меня съчь, и было непонятно, шутя ли онъ это говорить или не въ шутку. Во всякомъ случаѣ дни его посѣщеній не были для меня исключительно радостными днями.

Петръ Александровичъ почти совсѣмъ не говорилъ со мною, а когда говорилъ, то снисходительно, иногда ласково, но строгій взглядъ его изъ подъ нависшихъ бровей приводилъ меня въ тайный трепеть. Онъ совѣтовалъ матери не позволять мнѣ чтенія свѣтскихъ книгъ и, какъ только подрасту, отдать въ монастырь. Мать слушала его покорно. Она, кажется, и сама его побаивалась; къ пріѣзду его она подтягивалась и убирала прочь съ глазъ всѣ вещи, которыя могли бы дать ему понятіе о простодушномъ и—по его взгляду—легкомысленномъ, жизнерадостномъ настроеніи, царившемъ обычно у насъ въ домѣ.

Петръ и Михаилъ Александровичи во многомъ разнились другъ отъ друга по натурѣ, но оба были деспотами; ихъ увѣренность въ правотѣ своихъ взглядовъ и своей одѣнки людей, а также свойство держаться предвзятыхъ мнѣній—были безграничны. Черты гордости, пылкости и властолюбія, на ряду съ способностью къ религіозному самоуглубленію, были общи всѣмъ Брянчаниновымъ описываемаго мною поколѣнія.

Слышала я о такомъ случаѣ.

Петръ Александровичъ, недавно женатый, занималъ мѣсто вице-губернатора. Жена его было хорошенькимъ, веселымъ созданіемъ, но слишкомъ суетнымъ по его мнѣнію. Былъ

назначенъ балъ въ дворянскомъ собраніи. Всѣ приготавлились къ этому дню. Супруга вице-губернатора—тоже.

Разъ вечеромъ мужъ и жена ходили подъ руку по комнатамъ; въ дѣвичьей крѣпостныя мастерицы вышивали барынь шелками бальное платье. Молодая вице-губернаторша подвела мужа къ пальцамъ.

— Посмотри, Пьеръ, какая это будетъ прелесть!

Пьеръ наклонившись посмотрѣлъ черезъ очки, проткнулъ пальцемъ воздушную ткань и провелъ вдоль палецъ по всему вышитому полотнищу. Провелъ—и засмѣялся самодовольно: вотъ какъ отучаютъ отъ суетности!

Впрочемъ жена его, родивъ сына Алешу, скоро навсегда излечилась отъ своей суетности—въ могилѣ.

Разскажу кстати. Гораздо позже Михаилъ Александровичъ, въ мое отсутствіе,—сжегъ въ печкѣ принадлежавшую мнѣ большую гравюру Зичи „Тамара и демонъ“, которую я привезла изъ Петербурга, и которая ему, разумѣется, показалась безнравственной.

Я поражаюсь, думая о томъ, какая огромная внутренняя работа должна была совершиться въ этихъ людяхъ, чтобъ ихъ характеръ, согнувшись, подклонился подъ иго монашества, а монашество ихъ было не наружное только, въ особенности у Михаила Александровича. Не безъ долгой борьбы, не безъ возврата къ прошлому отказался онъ отъ своего не въ мѣру развитого „я“. Повторяю: во всѣхъ Брянчаниновыхъ жила громадная врожденная сила гордости, страстности и самовластія, но вмѣстѣ такая же сила несомнѣнной вѣры и преданности Богу и Церкви. Всю жизнь боролись въ нихъ эти двѣ силы, и подъ конецъ всегда послѣдняя побѣждала. Михаилъ Александровичъ умеръ въ Оптиный смиреннымъ и молчаливымъ монахомъ. Петръ Александровичъ—по слухамъ, такимъ же—умеръ въ Бабайкахъ.

И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Брянчаниновы, болѣе чѣмъ кто другой, поддавались искушенію гордости: слишкомъ яркою представлялась ихъ уму разница между ихъ одухотвореннымъ сознаніемъ и нравственнымъ безразличіемъ знакомой имъ свѣтской толпы. Помню, дядя Михаилъ сказалъ однажды—порывисто и широко раскрывъ руки— „бываютъ такія минуты на молитвѣ, когда чувствуешь: *грагошь клятвѣ!*“ Мнѣ было странно это слышать, потому что у

меня въ это время дѣйствительно не было враговъ; одни друзья. Позже жизнь заставила меня понять и оцѣнить слова дяди.

Кто имѣлъ причины жаловаться на Брянчаниновыхъ, тѣ говорили: „они считаютъ себя не такими, „якоже прочіи челоуѣцы“, за то и падаютъ не якоже прочіи“. Самъ дядя Михаилъ говаривалъ: „мы глубоко падаемъ, но и поднимаемся высоко!“ Разуѣтается, отъ людей такого душевнаго склада напрасно было бы ждать спокойствія и уравновѣшенности. Они, конечно, знали, что такое зло... Но горячимъ сердцемъ рвались эти люди къ Богу, рвались неустанно, и въ сѣтяхъ страстей, и въ безуміи гордости, и оскорбляя, убивая душу ближнихъ, и страдая сами подъ ударами обидъ и обмановъ— всегда рвались къ Нему, и Онъ далъ имъ высокое счастье умереть просвѣтленными...

Съ тѣхъ поръ, какъ я, ребенкомъ, гостила въ Бабайкахъ, прошли годы. А подросла, монахиней не сдѣлалась, но какъ-то, неожиданно для себя, сошлась близко и дружески съ дядей Михаиломъ. Его богатая психика, его ораторскій талантъ покорили меня. Ему же многое во мнѣ не нравилось, всего болѣе—моя страсть къ чтенію, но многое было и по душѣ. „Думъ свобода“ интересовала его, и узнавалъ онъ родныя Брянчаниновскія черты въ томъ. напр., что послѣ Бѣлинскаго и Добролюбова я съ неменьшимъ увлеченіемъ бралась за Цвѣтную и Постную Тріодь. Другая племянница, С. О. Бобарыкина, дѣвушка свѣтская, по возвращеніи раннимъ утромъ съ бала, не рѣдко перемѣнивъ лишь платье, шла къ заутренѣ...

Она умерла уже, какъ умеръ Алеша, какъ умерла моя мать—въ надеждѣ жизни вѣчной. Старые православные уходятъ одинъ за другимъ. Идутъ новые—съ болѣе развитымъ сознаниемъ, но съ тѣмъ же Свѣтлымъ Христовымъ ликомъ въ сердцѣ—и да будетъ благословенъ ихъ приходъ!

Долгіе и горячіе разговоры вели мы съ дядей Михаиломъ, гуляя или катаясь по Вепревскимъ полямъ и рощамъ. Въ это время онъ уже часто бывалъ у насъ, и бывалъ дорогимъ для меня гостемъ. У него была поразительная находчивость и ѣдкое остроуміе. По широтѣ своей природы ни въ какихъ общепринятыхъ рамкахъ онъ не умѣщался, говорилъ прямо

о томъ, что есть въ человѣкѣ самаго задушевнаго, условность ненавидѣль, и всякая неправда возмущала его чуть не до припадка. Онъ былъ ораторъ „Божьею милостью“, ораторъ пламенный, сердце таяло и на глаза просились слезы у слушающихъ его. Съ нимъ можно было не во всемъ соглашаться, но все, что онъ говорилъ, было интересно и будило мысль. Говорилъ онъ вездѣ: и въ вагонѣ желѣзной дороги (всегда 3-го класса; понятно: у простыхъ людей его рѣчи находили самый живой откликъ), и на пароходѣ, и въ гостиныхъ. Впрочемъ, я помню, что у дѣдушки онъ по большей части молчалъ, слушая корректные разговоры, лишь нервно разчесывалъ пальцами свою широкую бороду и по разсѣянному взгляду его разбѣгающихся глазъ я видѣла, что у него кипитъ душа и рвется на языкъ многое, но онъ сдерживаетъ себя усиленіемъ воли.

Много добрыхъ чувствъ сѣялъ онъ въ людскія души. И обличалъ много, но его обличенія были такъ искусно завернуты въ аллегоріи, что обличаемые не всегда ихъ понимали. Вообще онъ любилъ выражаться неясно, въ надеждѣ, что собесѣдники поймутъ его съ намека, съ отдаленнаго уподобленія. Мать часто не понимала, да и я иногда съ трудомъ. Живыя, оригинальныя мысли такъ кипѣли, такъ быстро смѣнялись въ его умной головѣ, что съ трудомъ успѣваешь, бывало, слѣдить за этимъ блестящимъ фейерверкомъ сравненій, шутокъ, глубокихъ и тонкихъ наблюденій, онъ бросалъ ихъ недоговоренными, ему некогда было отдѣлывать эти перлы. Жизнь его, жизнь барина старыхъ временъ, не была заключена въ узкій кругъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ („радъ бы сдѣлать путешествіе, да не на что“...) и дала ему богатый матеріалъ для всякаго рода переживаній и наблюденій. Онъ умѣлъ угадывать многое. Такъ, однажды сидѣла у насъ пожилая, богомольная дѣвица изъ духовнаго званія и напряженно слушала его быструю рѣчь. И вотъ, сказавъ: „ма сѣге, человѣкъ имѣетъ необыкновенную страсть выставять себя лучше, чѣмъ онъ есть“, онъ неожиданно обращается къ этой почтительной слушательницѣ и говоритъ: „вотъ она—заботится о спасеніи души и часто говѣетъ, а—я увѣренъ—говѣтъ ходитъ въ монастырь, не понесетъ грѣховъ своему приходскому батюшкѣ, правда?“ Бѣдная старая дѣва вспыхнула. Позже я узнала, что дядя угадалъ: у ней

была маленькая тайная слабость, въ которой она не рѣшалась признаться знакомому священнику.

Одно время сестры его все возились съ нѣкимъ благочестивымъ консисторскимъ чиновникомъ; дядя Михайль, какъ почти всегда, отнесся къ ихъ увлеченію отрицательно.—Что, ма сѣге, говорилъ онъ мнѣ, человѣкъ въ самообольщеніи! Прочелъ нѣсколько духовныхъ книгъ и воображаетъ, что онъ въ состояніи... чудеса творить.

Вотъ однажды, пріѣхалъ онъ къ намъ, когда этотъ чиновникъ гостилъ у матери, и завелъ музыку: рѣчь о мнимобогоугодныхъ людяхъ. Указываетъ все на себя, говоритъ: когда мнѣ случалось—разъ или два въ годъ—уронить слезу на молитвѣ, то я уже думалъ—онъ обвелъ насъ смѣющимся взглядомъ—думалъ заказывать урну, чтобъ собирать мои слезы...

Вышло это у него очень забавно, и больше всѣхъ хохоталъ самъ консисторскій праведникъ.

Впрочемъ, зная за собой эту способность выставлать другихъ въ смѣшномъ видѣ, дядя остерегался, и меня часто предостерегалъ отъ насмѣшекъ и презрительнаго отношенія къ людямъ. Но страсть къ осужденію, и жесткому осужденію, въ немъ все-таки сказывалась. У него былъ невыносимый обычай находить во всемъ и всѣхъ какую-нибудь дурную сторону и отравлять этимъ каждое удовольствіе и каждую дружбу. Начнетъ резонировать—и выйдетъ, что такъ или иначе плохо все, что мнѣ нравится. Рудинъ особаго рода. И верховая ѣзда моя вызывала въ немъ какія-то странныя опасенія, и окружавшая меня деревенская молодежь казалась опасной, и картины, и стихи, и романы—все. Воображаю, какъ онъ замучилъ бы своихъ дѣтей, еслибъ они у него были. Я часто спорила съ нимъ и сердилась, бывали временныя размолвки, но въ этихъ случаяхъ дядя всегда нервный шелъ на миръ, потому что любилъ меня и боялся потерять.

Но и я любила и уважала его и въ особенности за то, что для него, какъ и для матери моей, чины, общественное положеніе и богатство людей не имѣли почти никакого значенія. Онъ искалъ внутренняго содержанія.

Я должна сказать, что и дядя Михайль, и дядя Петръ

много теряли вслѣдствіе односторонности ихъ направленія. Закончивъ образованіе, они почти ничего уже свѣтскаго не читали. Литература, даже русская, была не для нихъ. Читали одно духовное, патристику и историческія книги. Если-бъ они прочли и прочувствовали хотя бы Диккенса, то право, кажется, сдѣлались бы мягче. Или если-бъ познакомились съ славянофилами, то могли бы дать болѣе вѣрную оцѣнку себѣ. Но они прямо *не хотѣли* знать ничего, кромѣ духовнаго. Разъ дядя сказалъ мнѣ: „то, что ты знаешь въ семнадцать лѣтъ, я узналъ въ пятьдесятъ тяжелымъ опытомъ.“

— *A qui la faute?* подумала я, но говорить было поздно и бесполезно.

Будучи молодыми офицерами, Брянчаниновы, по праву родства, ѣзжали въ дома Олениныхъ и Анненковыхъ. Встрѣчали тамъ людей, бывшихъ гордостью Россіи,—и что-жь? Это не оставило въ нихъ ни малѣйшаго слѣда.

— Крыловъ, *mon chère*, такой неопрятный былъ старикъ, отвѣчалъ дядя на мои вопросы о писателяхъ. Бѣсть, и крошить себѣ на жилеть. А Лермонтовъ—молодой человекъ, довольно пустой... Часто сидѣлъ на гауптвахтѣ...

И только.

Дядю Михаила баловали женщины. На обѣдахъ и вечерахъ у Олениной его наперерывъ звали и усаживали подлѣ себя „юныя жены, увѣнчанныя цвѣтами“, чтобъ слушать его остроумныя замѣчанія и характеристики. Подзадоривали его, заставляли угадывать характеръ тѣхъ или другихъ присутствующихъ и проч. Это, конечно, льстило его самолюбію. И, забавляя дамъ, онъ проглядывалъ великихъ людей, въ обществѣ которыхъ находился.

Однажды я прочла дядѣ стихи Лермонтова „Когда одни воспоминанья“. Онъ задумался. Сказалъ: „какъ однакожь эти свѣтскіе писатели глубоко вникаютъ иногда!.. Въ другой разъ онъ самъ нашелъ въ французскомъ журналѣ и прочелъ намъ стихотвореніе, понравившееся ему.

J'irai, j'irai porter ma couronne effeillée.

Au jardin de mon Père, où renaît toute fleur,

Mon âme y répandra sa vie agenouillée.

Mon Père a des secrets, pour vaincre la douleur.

Il dira: c'est donc vous, pauvre âme desolée?.. и т. д.

Не помню, по какому случаю дядѣ пришлось съѣздить за границу. Очень характерно, что онъ ничего тамъ не на-

шелъ для себя интереснаго, и всегда горѣвшій энтузіазмомъ, остался совершенно равнодушенъ къ заграничнымъ впечатлѣніямъ. — „Тамъ одна матерія, говорилъ онъ. Звучить въ ухахъ, глаза ослѣпляетъ, а не отдается въ сердца“.

Человѣкъ, глубоко любившій родину, онъ переживалъ душой всѣ радости и невзгоды первой славянской войны. — Англія злится, Австрія бѣситъ, писалъ онъ мнѣ въ это время. Съ жадностью читаю телеграммы и съ горечью бросаю газету, когда читаю дѣйствія пресловутыхъ лордовъ и поганой Австріи“. — А позже: „вотъ тактика и сила оружія свое дѣло сдѣлали, на сколько допустили завидливые глаза выполнить, начинается арена дипломатіи, которая до того мнѣ не по вкусу, что думаю не читать болѣе газетъ“...

Мало этого; настолько широка была его натура, что — помню я — онъ прямо радовался, восхищался твердостью французскихъ депутатовъ, отстаивавшихъ юную республику отъ покушенія разныхъ авантюристовъ на диктаторство. Не замѣчательно ли это для человѣка, всосавшаго съ молокомъ матери монархическіе взгляды? Будучи офицеромъ, онъ участвовалъ въ усмиреніи Польши и однако ни малѣйшаго не-пріязненнаго чувства къ полякамъ у него не осталось.

Въ своей превосходной усадьбѣ онъ жилъ по-барски, не считая, и потому обстоятельства его, послѣ смерти жены, стали плохи. Нѣкоторое время служилъ онъ мировымъ посредникомъ, однако и на этомъ мѣстѣ не дала ему удержаться запальчивость его характера и привычка учить другихъ. Мошенникамъ изъ сослуживцевъ онъ въ глаза высказывалъ горькія истины, мошенники изъ крестьянъ испытывали на себѣ тяжесть его руки. Въ обществѣ считали его немного помѣшаннымъ. Вѣрнѣе была оцѣнка, данная ему однимъ изъ племянниковъ: „Это донъ-Кихоть чести“... Кончилось тѣмъ, что онъ продалъ за безцѣнокъ усадьбу и перѣхалъ — одинокій — въ городъ.

Увлеченія его личныя длились до старости, и какъ это ни странно, предметомъ ихъ долго была пошлаватая особа, тянувшая изъ него деньги; послѣдней же его привязанностью явилась авантажная вдова изъ образованныхъ и спесивыхъ купчихъ Боборыкинскаго типа. Онъ добровольно отдалъ себя ей въ рабство, не получая взамѣнъ ничего, кромѣ нѣкотораго флирта... въ его духѣ. Поклонится ему въ ноги,

крѣпко, по-русски, поцѣлуетъ, назоветъ его благодѣтелемъ и роднымъ, обмолвится даже на „ты“... а потомъ и командуетъ. Еще бы при ея крупныхъ дѣлахъ не дорожить такимъ честнѣйшимъ и усерднымъ *homme d'affaire!*.. Изъ этого плѣна страстей онъ освободился окончательно лишь въ Оптиной.

Многіе изъ молодежи любили дядю Михаила преданно, очаровывались имъ, какъ и я. Но... не надолго. Отчего же у нихъ всегда являлось разочарованіе? Я понимаю это, потому что тоже случилось и со мной.

Виною—Брянчаниновское наслѣдство не полной искренности. Онъ казался и терпимѣе и искреннѣе, чѣмъ былъ. Кто многое обѣщаетъ, съ того много и спрашивается. А когда молодое сердце, обращаясь къ нему, какъ къ арбитру въ дѣлахъ совѣсти и свѣтильнику, какимъ онъ и могъ дѣйствительно быть, начинало замѣчать въ немъ малѣйшую тѣнь хитрости, или мелочности, или самолюбованія, а тѣмъ болѣе—несогласіе слова съ дѣломъ,—то прежняя готовность преклониться быстро смѣнялась горечью и обидой разочарованія. Такъ отошли отъ него на моихъ глазахъ одинъ студентъ, военный юристъ, одинъ хорошій молодой священникъ... отошла и я. Теперь жалѣю объ этомъ. Но молодость прямолинейна и не мирится съ диссонансами. Богатая, мало дорожить любовью и лаской, она окружена ими. Лишь впоследствии опытъ жизни научаетъ цѣнить каждое доброе слово и не требовать отъ людей совершенства.

И такъ отношеніе между нами начали измѣняться. Но въ это самое время судьба насъ развела неожиданнымъ ударомъ—и развела надолго.

Лѣтъ черезъ семь я увидѣла его уже тихимъ, слегка сгорбленнымъ монахомъ, съ осторожною рѣчью и медленными движеніями. Онъ видимо управлялъ собой каждую минуту. Навѣстивъ меня въ Петербургъ въ студенческой обстановкѣ (я тогда училась на курсахъ), онъ посидѣлъ недолго, поговорилъ, не отдаваясь душой, какъ прежде, но тепло и по родственному; упомянулъ мелькомъ, что ему тяжело видѣть недостатокъ образованности, даже духовной, въ начальствующихъ монастыря, что его эксплуатируютъ; пользуясь его—какъ онъ выразился—„пригодностью въ разныхъ дѣлахъ“, которыя ему уже не подъ силу, и что онъ

жаждать уединенія... Года черезъ два послѣ этого услышала я отъ одной изъ Бобарыкиныхъ, что дядя былъ у нихъ, всѣмъ довольный, благодушный, но слабый здоровьемъ, и что Петръ Александровичъ говоритъ о немъ: „братъ Михайль перепахалъ свою душевную ниву“. Невольно вырвалось: „на-дѣюсь, что и самъ дядя Петръ перепахалъ свою?“

Вскорѣ послѣ этого пришла вѣсть о смерти инока Ми-хаила. Упокой Господи его родную душу!

А. Курьянова.
